

Экономическая политика Веймарской республики

К ДИСКУССИЯМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ ОТ ВЕЙМАРА ДО ГИТЛЕРА*

Карл-Людвиг ХОЛЬТФРЕРИХ^а

^а Почетный профессор экономического факультета, Свободный университет Берлина (Lansstrasse 7–9, Room 315, 14195 Berlin).
E-mail: carl-ludwig.holtfrerich@fu-berlin.de

Аннотация

В статье дается обзор основных сюжетов дискуссии об экономической политике Веймарской республики в период, непосредственно предшествовавший мировому экономическому кризису конца 20-х — начала 30-х годов XX века и в ходе кризиса, на материале статей, опубликованных в юбилейном сборнике, посвященном 65-летию известного немецкого исследователя экономической истории Кнута Борхардта. Затрагиваются такие темы, как роль германской экономической и денежной политики в возникновении кризиса и ее влияние на ее ход, возможности антикризисной политики, которыми располагало германское правительство, влияние жесткости заработной платы и международных экономических и финансовых отношений на экономическую ситуацию в период, непосредственно предшествовавший установлению нацистского режима.

Ключевые слова: Веймарская республика, экономическая история Германии, Великая депрессия, денежная политика, фискальная политика, жесткость заработной платы.

JEL: N14, E31, E50, E62.

“Zur Debatte über die deutsche Wirtschaftspolitik von Weimar zu Hitler” *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 1996, Jahrgang 44, Heft 1, S. 119–132.

Перевод с немецкого А. Локтева

Оικονομία • Πολιτικά

OIKONOMIA • POLITIKA

Когда круглую дату празднуют люди, не принадлежащие к корпорации ученых, они приглашают друзей и коллег на торжественный юбилей или прием. Все радуются встрече с юбиляром и получают удовольствие от хорошего угощения, что чаще всего и происходит. Юбилей авторитетных ученых празднуют по-иному. Сами они по большей части ожидают, что коллеги, а среди них прежде всего повзрослевшие и достигшие признания ученики, хотя бы к 65-летию выразят свое почтение каким-нибудь особым сюрпризом. Им приходится составлять поздравительное послание юбиляру в виде некоего «сверхурочного» научного труда в своей профессиональной области: это может быть публикация некоего исследования, по меньшей мере статья, отражающая научные предпосылки, некогда вышедшие из-под пера юбиляра. Гротескность этой ситуации становится очевидной, если представить себе, что портные стали бы шить к юбилею своего коллеги костюмы, виноделы изготовили бы лишнюю сотню тысяч бутылок шампанского, а политики стали бы добиваться новых выборов только

* Рецензия на сборник Christoph Buchheim, Michael Hutter, Harold James (Hg.). *Zerrissene Zwischenkriegszeit. Wirtschaftshistorische Beiträge. Knut Borchardt zum 65. Geburtstag*. Baden-Baden: Nomos, 1994.

для того, чтобы показать с помощью предвыборной кампании, насколько ценен вклад юбиляра в соответствующую сферу жизни.

Отчасти таким гротеском стал юбилейный сборник, озаглавленный издателями «Противоречивое время между двумя войнами. Вопросы экономической истории. К 65-летию Кнута Борхардта» [Zerrissene Zwischenkriegszeit..., 1994], который сам Кнут Борхардт встретил весьма критично. С другой стороны, несомненно плодотворным является то, что юбилейные сборники, в отличие от сборников материалов конференций, почти никогда не замыкаются на какой-то одной теме и часто содержат статьи, которые не были бы приняты к публикации в признанных научных журналах и которые, представляя собой первоклассные материалы, были бы похоронены в редакциях из-за недостаточного, по сравнению с журналами, библиографического охвата. Поэтому Борхардт дал мне однажды понять, что он поддерживает идею научного журнала под названием «Юбилейный сборник». Каждый номер такого журнала был бы посвящен тому или иному юбиляру (разумеется, с фотографией) и какой-то интересной для него теме, но прием рукописей осуществлялся бы редакцией по принятым для научных журналов правилам, то есть путем одобрения группой компетентных коллег, анонимных для автора и читателей. Такая процедура не только обеспечила бы высокий научный стандарт публикаций, но и удостоверила бы их библиографический охват.

Цельностью тематики и высоким научным качеством большинства статей рассматриваемая книга вполне отвечает той концепции, которую сам Борхардт связывал с идеей журнала «Юбилейный сборник». То есть она не превратилась в издание «к юбилею» в традиционном смысле. Вместо этого в ней подведен своего рода итог научных исследований дискуссионной темы, начатой Борхардтом в 1979–1980 годах: об экономических трудностях, которые привели к краху Веймарской республики¹; в ней также содержатся статьи с отчасти новым взглядом на экономические и внешнеполитические цели, которые в тот драматический период между Первой и Второй мировыми войнами преследовали как Германия, так и другие страны.

В предисловии издатели книги чествуют Борхардта как ученого, который в своих многообразных экономико-исторических исследованиях помимо конкретных событий и индивидуальных решений постоянно стремился к постижению системных общих связей, из которых становились понятными конкретные поступки тех или иных лиц и ход экономических процессов. Всё это указывает и на либеральные взгляды Борхардта, содержащиеся в его тезисе об отсутствии альтернатив в экономической политике во время Великой депрессии, что имеет прямое отношение к текущей ситуации: ожидать от государства решения всех возможных экономических трудностей — значит преувеличивать саму его способность к разрешению проблем. Такая позиция сама может превратиться

¹ Начало дискуссии, о которой идет речь, было положено тремя статьями Борхардта, опубликованными в 1979 и 1980 годах, — “Zwangslagen und Handlungsspielräume in der großen Wirtschaftskrise der frühen dreißiger Jahre: zur Revision des überlieferten Geschichtsbildes” (1979), “Wirtschaftliche Ursachen des Scheiterns der Weimarer Republik” (1980), “Zur Frage der wahrungspolitischen Optionen Deutschlands in der Weltwirtschaftskrise” (1980). Все они были впоследствии напечатаны в книге [Borchardt, 1982. S. 165–224].

в еще одну трудность и помешать появлению инновационных решений со стороны частного сектора.

Остальные статьи поделены на четыре основных раздела. В двух первых обсуждаются два главных вопроса «борхардтовой дискуссии»: во-первых, превышало ли повышение заработной платы и социальных расходов веймарской экономики ограниченные возможности народного хозяйства (определяемые уровнем производительности труда) еще до Великой депрессии? И во-вторых, привел ли этот фактор, наряду с другими, к тому, что связанная с именем рейхсканцлера Брюнинга политика дефляции 1930–1932 годов не имела альтернативы? В третьем разделе обсуждаются некоторые, в конечном итоге неудавшиеся попытки ослабить напряженность в международных экономических отношениях в период между двумя войнами. В четвертом представлены статьи, посвященные способности ключевых деятелей тогдашней экономической политики к решению проблем, в том числе вытекающих из самой дефляционной стратегии Брюнинга.

Название книги указывает на ту эрозию, которая вместе с Первой мировой войной поразила внешне- и внутривнутриполитические отношения. Во внешнеэкономической сфере речь шла о болезненном вопросе репараций и международного долга, о сильно распространившемся протекционизме и конкурентной девальвации. В чисто экономической области противоречивость ситуации в Германии состояла, прежде всего, в громадном разрыве между притязаниями на долю в общественном продукте и ограниченными хозяйственными возможностями, между потребностью в действиях со стороны экономико-политических игроков и сузившимся политическим игровым полем, а также между традиционными успешными рецептами и новыми путями решения, которых требовал тогдашний кризис. Как известно, Борхардт считает, что в той напряженной ситуации к политическим деятелям предъявлялись слишком высокие требования, из-за чего они походили на героев классических трагедий, которые всеми возможными способами сражаются против угрожающего зла, но тщетно. Я так же, как и Борхардт, вижу ужасный итог первого опыта немецкой демократии в том, что мировой экономический кризис привел к власти национал-социалистов. И всё же я не согласился бы с Борхардтом в том, что Брюнинг (и председатель Рейхсбанка Ганс Лютер) старались всеми возможными способами сражаться против надвигавшегося зла (ср.: [Holtfrefrich, 1982, 1984, 1990a, 1990b, 1992]). А ведь лишь это оправдало бы приведенное им сравнение с классической трагедией. Ничто не указывает на то, что Брюнинг и Лютер, хотя и пали жертвами обстоятельств, действительно *желали* чего-то иного, нежели политики усиления кризиса.

Двум вопросам «борхардтовой дискуссии» в более узком смысле посвящены, главным образом, четыре статьи. Барри Эйхенгрин из Беркли рассматривает тезисы Борхардта в международной перспективе. Сравнивая номинальную и реальную заработную плату в разных странах, он приходит к выводу, что оплата труда в Германии во время Великой депрессии быстрее адаптировалась к хозяйственному провалу, то есть что рынок труда функционировал лучше, чем практически во всех промышленно развитых странах.

Он также установил, что в Германии удельные издержки на оплату труда, несмотря на их рост в период 1927–1929 годов, так и не достигли довоенного уровня. В этом отношении автор не подтверждает и тезис Борхардта о завышенных требованиях к веймарской экономике вследствие слишком высокой заработной платы. В лучшем случае можно говорить о том, что заработная плата стала слишком высокой с учетом чрезвычайно возросшего бремени налогов и социальных выплат, а также существенного роста процентных ставок. Однако в этом случае в 1920-е годы должен был бы сложиться несбалансированный рынок труда, что не подтверждается ситуацией в годы мирового экономического кризиса. Вполне последовательно Эйхенгрин ищет доказательств резких изменений в самих институтах рынка труда, произошедших в 1929 году. Одним из таких доказательств для него служит то, что в январе 1929 года судебным решением были отменены полномочия председателей третейских судов в отношении принудительных решений со стороны государства при отсутствии согласия между участниками спора (ср.: [James, 1988. S. 210f.]). Еще одно указание он находит в распоряжении правительства Брюнинга конца марта 1930 года пойти на снижение заработной платы не только в государственном, но и в частном секторе. К сожалению, Эйхенгрин не рассматривает в этой связи результаты исследований Ганса-Германа Хартвича [Hartwich, 1947] и Йоханнеса Бэра [Bähr, 1989] о функционировании рынка труда в Веймарской республике. Оба эти автора приходят к выводу, что государственное вмешательство в сферу оплаты труда в веймарской экономике не привело к результатам, которые бы отличались от тех, что сложились бы под действием рыночной конъюнктуры. Приведенный докторантом Борхардта Клеменсом Цаном [Zahn, 1993] контраргумент представляется мне недостаточным, так как он построен на том, что государство постоянно ограничивало прирост заработной платы темпом, который был примерно вдвое ниже, чем требовали профсоюзы. Но именно это относительное постоянство процентного увеличения зарплат всякий раз верно отражало противодействие со стороны рыночных сил.

Эйхенгрин не замечает также того, что замораживание заработной платы во время экономического спада 1925–1926 годов может служить свидетельством сравнительно гладкого функционирования веймарского рынка труда. Но он проявляет осторожность, называя свои аргументы по поводу выводов Борхардта о ригидности немецкого рынка труда перед мировым кризисом «наводящими на размышления», и предоставляет читателю возможность самому решать, не переходит ли из-за этого бремя доказывания вновь к тем, кто (как, в частности, Тео Бальдерстон [Balderston, 1993]) утверждает, что немецкий рынок труда в 1920-е годы функционировал вполне рыночным образом.

Относительно второго тезиса Борхардта, касающегося возможных политических альтернатив политике дефляции, проводившейся Брюнингом, Эйхенгрин занимает весьма определенную позицию. В Германии, как в других странах, лица, отвечавшие за денежную и фискальную политику, вынуждены были решать, защищать свой золотой стандарт при помощи некоторого варианта дефляционной политики или же осуществлять обширные интервенции для стимулирования экономики при отказе от металлического

паритета, или конвертируемости, валюты. Вследствие дефицита платежного баланса, ситуации с долгами, внутривалютной нестабильности (особенно заметной после сентябрьских выборов 1930 года), а также из-за всё еще живых воспоминаний о гиперинфляции, которая имела место до 1923 года, отказ от золотого паритета и девальвация валюты — которые Эйхенгрин уже в своих ранних работах [Eichengreen, Sachs, 1985; Eichengreen, 1992] называл ключом к преодолению депрессии — были неосуществимы в Германии. Он присоединяется здесь к мнению Борхардта, что подобные меры могли бы настолько пошатнуть доверие к рейхсмарке, что привели бы к массовому бегству капитала за границу и к инфляции внутри страны. А потому часто практиковавшийся центральными банками во времена кризисов временный отказ от золотого стандарта был в тогдашней Германии невозможен.

Применительно к периоду, когда рейхсмарка была конвертируемой, я нахожу аргументацию Эйхенгринна убедительной. Но я сомневаюсь в том, что защита золотого стандарта со стороны Рейхсбанка обернулась банковским кризисом в июле 1931 года и лишь усилила депрессию. И я придерживаюсь решительно иного мнения, нежели Эйхенгрин, относительно периода после августа 1931 года, когда мораторий Гувера указал на реальную возможность прекращения репараций, но вместе с введением в Германии валютного контроля была установлена и внешнеэкономическая защита посредством экспансионистской денежной и фискальной политики. При девальвации рейхсмарки без введения валютного контроля рассуждения Эйхенгринна были бы верны. Но при такой защите внешнеэкономического фланга, как девальвация британского фунта в сентябре 1931 года, Германия могла обойтись без дефляционных мер, усиливавших кризис, что Брюнинг и осуществлял, принимая чрезвычайные меры вместо девальвации рейхсмарки вплоть до конца 1931 года.

И Борхардт, и другие авторы из его окружения нередко высказывались в том ключе, что золотой паритет рейхсмарки был частью системы международных договоров, а точнее, частью планов Дауэса и Юнга, и что Франция и США не давали согласия на девальвацию рейхсмарки. При этом забывают о том, что за пределами границ Германии звучали и иные голоса, а именно из Банка международных расчетов и из Великобритании. Но еще более важен другой аргумент, который в своей статье «Правила или люди. Уроки ста лет денежной политики», вошедшей в настоящий сборник, развивает Чарльз П. Кайндлбергер из Массачусетского технологического института, основываясь на своих глубоких познаниях в истории финансовых кризисов [Kindleberger, 1984]. Он придерживается мнения, что в истории финансов раз за разом возникали ситуации, когда лица, ответственные за денежную политику, были вынуждены нарушать правила и принятые рецепты, даже нарушать законы (а если и не сами законы, то вытекающие из них обязательства), чтобы прагматично добиваться экономических целей вместо того, чтобы упустить такую возможность из-за необходимости оставаться верными принципам и поддерживать идеологически непорочную репутацию. Кайндлбергер цитирует в этой связи английского классика в области политики центральных банков Уолтера Бэджета: «Бывают ситуации, когда правила нельзя нарушать; бывают и другие, когда их невозможно

безопасно применять». В поддержку своей позиции — согласно которой в период правления Брюнинга правила золотого стандарта, а значит, все соответствующие обязательства по международным договорам и закон о Рейхсбанке должны были быть нарушены, причем это не создало бы риска инфляции, — Кайндлбергер приводит многочисленные примеры из истории английской и французской валют XX века, а также из европейской и американской истории в период между двумя войнами. Непоколебимую твердость Брюнинга в отношении дефляционной стратегии он уподобляет рецепту «приготовления молочного поросенка», предложенного Чарльзом Лэмом, — можно, к примеру, сжечь сарай, в котором находится поросенок.

В двух публикациях, вошедших в эту книгу, анализ Борхардта проверяется с помощью эконометрических методов. Выводы этих работ также противоречат друг другу. Первая вышла из-под пера английского экономического историка Стивена Н. Бродбери и немецкого ученого Альбрехта О. Ричля, ученика Борхардта. Она носит название «Железные двадцатые: реальная заработная плата, производительность и отсутствие процветания в Великобритании и Германии до Великой депрессии». Авторы истолковывают свои статистические результаты как подтверждение первого тезиса Борхардта о том, что рынок труда в 1920-е годы (как в Великобритании, так и в Германии) был несовершенным в том, что касается его функционирования. Слишком высокий уровень заработной платы подрывал международную конкурентоспособность обеих экономик, препятствовал полной занятости, а в долгосрочной перспективе лишал возможности приблизиться по уровню производительности к тем высоким значениям, которых американская экономика достигла во времена «экономического чуда» после Второй мировой войны.

Чтение этого текста вызвало лично у меня некоторые сомнения по поводу доказательной базы. Во-первых, приведенные числовые данные не всегда подтверждают то, что утверждается в самой статье. Так, к примеру, я не могу признать, что рис. 2 доказывает наличие тенденции к стагфляции. Общая тенденция на представленных графиках скорее подтверждает как раз противоположный тезис в отношении периода 1925–1932 годов и в этом согласуется с содержанием другой, еще не затронутой в нашем обсуждении статьи Тилли и Хака, где рис. 10 демонстрирует, а следующий за ним текст верно интерпретирует связь уровня цен с безработицей в тот же самый период времени. С другой стороны, авторам удалось по-иному, нежели в статье Эйхенгрин, подтвердить первый тезис Борхардта, а именно что прирост уровня заработной платы в Германии в 1925–1929 годах по сравнению с 1913 годом значительно превышал прирост уровня производительности труда только потому, что для расчета производительности труда в народном хозяйстве за эти годы были использованы данные об общественном продукте, на которые опирался Ричль в своей публикации 1990 года в поддержку тезиса Борхардта; в ней он, среди прочего, заново пересчитал не слишком достоверные расчеты статистики общественного продукта, произведенные Вальтером Г. Хоффманом [Ritschl, 1990; Hoffmann et al., 1965]. В принципе, статистические материалы Хоффмана уже подвергались критике [Holtfrerich, 1983; Fremdling, 1988], но это касалось, прежде всего, XIX века. Если взять период Веймарской рес-

публики, то лично я меньше доверяю новым расчетам Ричля, поскольку их автором двигателя заинтересованность скорее в подтверждении тезиса Борхардта, нежели в (объективной) оценке расчетов Хоффмана, которые были опубликованы еще в 1965 году, то есть задолго до появления самого спорного вопроса, и на которые в своих работах ссылался не только Борхардт, но и я в моей критике Борхардта, причем мы оба прибегали к этим расчетам как к инстанции нейтрального арбитра. А то, что Ричль считает свои собственные оценки *less biased* [«менее предвзятыми»], а данные Хоффмана — тенденциозными, попросту переворачивает всё с ног на голову.

Кроме того, встает вопрос: даже если бы удалось подтвердить статистическую связь между высокими реальными издержками на заработную плату, то есть высокой долей заработной платы в национальном доходе, и высоким уровнем безработицы, будет ли это действительно доказывать, что первый из этих феноменов является прямой причиной второго? Хорошо известно, что доля заработной платы в национальном доходе высока тогда, когда сильная депрессия приводит к исчезновению прибыли предприятий, причем определяемая договорами номинальная заработная плата может также существенно падать, однако не так сильно, как прибыль, определяемая по остаточному принципу. Другими словами, доля заработной платы в национальном доходе, то есть реальные издержки на оплату труда, является скорее симптомом реальной экономической ситуации, нежели ее причиной. Политика в области оплаты труда может существовать лишь как часть всей совокупности взаимосвязанных причин той или иной экономической ситуации. А к их числу принадлежат, например, и налоговая политика, и денежно-кредитная политика, и внешнеэкономические воздействия, и политика в области конкуренции и регулирования.

Всё это не учитывается в системе доказательств Бродберри и Ричля, которые помещают динамику заработной платы в самый центр проблемы в качестве «главного злодея пьесы». Помимо этого, оба автора, произвольно возлагая ответственность за стагнацию экономики и утрату международной конкурентоспособности на слишком высокую реальную заработную плату в Великобритании и в Германии, впадают в соблазн не учитывать ту информацию, которая могла бы нарушить их впечатление. Дело в том, что если английский экспорт в 1920-е годы, в особенности после возвращения в 1925 году британского фунта к довоенному золотому паритету, оказался в реальной стагнации, то немецкий экспорт с момента стабилизации валюты вплоть до 1929 года рос примерно на 10% в год². Две экономики со столь различающимися результатами на мировом рынке можно с большим трудом рассматривать как подверженные одной и той же болезни, учитывая к тому же, что одна из них находилась в ситуации международного кредитора, а другая в позиции должника.

На этом фоне выгодно выделяется дифференцированный подход, характерный для другой эконометрической статьи сборника, а именно работы

² О международной конкурентоспособности немецкой экономики в то время см.: [Balderston, 1993. P. 82–128].

Ричарда Тилли и Норберта Хака «Немецкая экономика в кризисе, 1925–1934 годы. Макроэкономический подход». Оба автора отвечают на ими же самими ранее сформулированное требование проверить тезисы Борхардта с помощью народнохозяйственной модели. В рамках построения такой модели они оценивают на основе квартальных данных за 1925–1934 годы уравнение для набора следующих макроэкономических величин: потребление, номинальная и реальная заработная плата, экспорт и импорт, денежный рынок и инвестиции. Что касается заработной платы, то они приходят к выводу, что особой ее жесткости не наблюдалось. Эпизоды краткосрочной жесткости заработной платы случались, но они имели место как в период роста экономики до 1929 года, так в период ее последующего сжатия. Реальная заработная плата, пусть и с некоторым отставанием, постоянно приспособлялась к рынку. Кроме того, Тилли и Хак проверили первый тезис Борхардта, выяснив, какие именно факторы доминировали в динамике рынка труда, денежного и товарного рынков — связанные с предложением (такие, как избыточно высокие темпы роста реальной заработной платы) или со спросом. Они показали, что на самом деле динамика определялась шоками со стороны спроса, а объяснения, основывающиеся на воздействии со стороны предложения, в частности утверждение о слишком высокой реальной заработной плате, в силу этого обладали меньшим весом. Авторы также построили функцию спроса на деньги для германской экономики, что дало возможность оценить макроэкономическое воздействие той или иной степени расширения денежного предложения в течение всего мирового экономического кризиса. Они демонстрируют, как это уже значительно раньше доказали Милтон Фридман и Анна Дж. Шварц для случая США [Фридман, Шварц, 2007], что денежная масса в Германии в период с конца 1929-го по начало 1933 года сильно сократилась: агрегат М1 — на 36%, М2 — на целых 43%, а резервные деньги на счетах в Центральном банке — на 15%. Основываясь на гипотетической оценке бюджета при условии полной занятости, Тилли и Хак пришли к выводу, что фискальная политика усиливала процесс сжатия экономики во время кризиса.

В заключение авторы сводят воедино различные уравнения, описывающие агрегированный спрос, и оценивают влияние на него гипотетических изменений в денежной и налоговой политике. Их вывод таков: «Итак, с учетом проведенного исследования главной проблемой становится не слишком быстро растущая реальная заработная плата до 1929 года, а слишком быстро падающие цены после 1929 года». На этом основании Тилли и Хак совершенно справедливо подчеркивают большее сходство немецкого кризисного опыта с американским, нежели с британским, в противоположность тому, что утверждают Бродбери и Ричль. На ухудшение экономической ситуации после 1928 года, характеризовавшееся спадом инвестиций, в 1930–1931 годах явно накладывалось сжатие денежной массы, с которым Рейхсбанк боролся недостаточно решительно. На основании модельных расчетов можно заключить, что единственным выходом из кризиса для Германии могла бы быть лишь денежная и фискальная экспансия, возможно в сочетании с девальвацией валюты, как это было в других странах после сентября 1931 года.

Я высоко оцениваю статью Тилли и Хака в первую очередь не потому, что позиция авторов, как и моя собственная, противоположна тезисам Борхардта, но прежде всего потому, что в ней, в противоположность подходу Бродбери и Ричля, эконометрические методы применяются широко, а не узко, — с их помощью изучается модель макроэкономической динамики периода Веймарской республики, что позволяет получить такие результаты, которых, к примеру, в рамках подхода Бродбери и Ричля в силу его узкой перспективы достичь невозможно.

Прочие статьи, вошедшие в книгу, либо мало связаны с тезисами Борхардта, либо вообще не имеют к ним отношения.

Кристоф Буххайм (Christoph Buchheim) в работе «О природе хозяйственного подъема во времена нацистов» высказывает свою позицию в отношении второго тезиса Борхардта лишь постольку, поскольку говорит о «подлинно консервативной дефляционной политике» Брюнинга и поскольку признает государственное субсидирование мероприятий с целью увеличения занятости необходимым условием подъема немецкого хозяйства после мирового экономического кризиса. Гитлер и наращивание производства вооружения не были необходимы для преодоления депрессии. Буххайм ставит под вопрос тезис Питера Темина [Temin, 1989], согласно которому приход к власти национал-социалистов способствовал формированию позитивных предпринимательских ожиданий. Он показывает, что безработица в Германии уменьшалась лишь до 1936 года, причем значительно медленнее, чем утверждала тогдашняя официальная статистика. Главный тезис этой статьи в том, что германская экономика с большой вероятностью могла бы уже в 1930-е годы выйти на траекторию роста (как это было затем в 1950-е), если бы вместо ориентации на государственный спрос и производство вооружений, обусловленные национал-социалистической политикой, имело место нормальное рыночное развитие, ориентированное на спрос со стороны частного сектора экономики. Буххайм основывает свое суждение на том, что, несмотря на значительное послабление, связанное со списанием долгов, предприниматели были скептически настроены в отношении экономической политики национал-социалистов и, невзирая на высокую доходность, проявляли изрядную сдержанность в том, что касается инвестиций. Таким образом, по его мнению, огромные возможности для роста в 1930-е годы были упущены, и поэтому экономическую политику национал-социалистов следует «расценить крайне негативно».

Я нахожу этот тезис в высшей степени интересным, ибо он столь же провокативен, сколь и тезисы самого Борхардта, учителя Буххайма. Однако приведенные аргументы меня всё же не убеждают. Во-первых, он считает структуру издержек германской промышленности «значительно улучшившейся» вследствие мирового экономического кризиса. Но, по мнению Борхардта, бремя издержек на оплату труда никогда не было таким тяжелым, как в высшей точке мирового кризиса в 1932 году, когда доля этих издержек (по критериям Борхардта) достигла в Германии своего исторического максимума. Таким образом, структура издержек «значительно улучшилась» не из-за мирового кризиса, а вследствие *оживления* экономики после пика кризиса, то есть,

иными словами, благодаря импульсу, который придало государство спросу во второй половине 1932-го и еще сильнее — в 1933 году и который был подхвачен частным сектором. Во-вторых, Буххайм видит в американском законе о взаимных торговых соглашениях 1934 года и в стабилизации обменного курса между французским франком, британским фунтом и американским долларом (в так называемом Трехстороннем валютном соглашении 1936 года) своего рода предвосхищение элементов столь важной для экономического расцвета послевоенных лет либерализации международной торговли в виде Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и сотрудничества в области валютной политики в рамках МВФ. При этом он недооценивает тот факт, что хотя до войны все эти события и свидетельствовали о некоей тенденции, это никак не меняло международной «разобщенности», и что даже сами зачатки торговой и валютной кооперации во многом были лишь политической реакцией западных демократий на уже ощущавшуюся угрозу со стороны национал-социализма. В частности, в 1933 году Лондонская экономическая конференция потерпела неудачу не в последнюю очередь из-за явно конфликтного курса администрации Рузвельта в сфере валютной политики.

В своей статье «Как теории получают признание? К развитию немецкоязычной денежной теории в период между двумя войнами», относящейся к области теории науки и истории догм, Михаэль Хуттер формулирует тезис, что развитие теорий подчиняется эволюционным закономерностям и что завоевание теми или иными идейными направлениями признания зависит не столько от состояния реальной экономики, сколько от интеллектуальной ситуации внутри самой науки. Доказательством этого тезиса служит проведенный им анализ публикаций и рецензий, относящихся к области денежной теории, в выпусках четырех наиболее влиятельных экономических изданий на немецком языке с 1919 по 1939 год — *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* («Ежегодник политической экономии и статистики»), *Schmollers Jahrbuch* («Шмоллеровский ежегодник»), *Weltwirtschaftliches Archiv* («Архив мировой экономики») и *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* («Архив общественных наук и социальной политики»). В конце статьи он подытоживает: тезис Борхардта о том, что «игровое поле» для действий индивидов и институтов ограничивается существованием правил и нормированием ожиданий, применим и к свободе действий в сфере науки. «В буквальном смысле слова мыслиться и пониматься другими может только то, что соответствует некоей определенной игре аргументов. Сами же модели, в рамках которых совершается мышление, остаются при этом вне рефлексии». С моей точки зрения, само различие моделей мышления очевидно порождает различные позиции в научных дискуссиях, обеспечивает их объяснительную силу, признание и влияние, как это имеет место и в случае рассматриваемых нами тезисов Борхардта³.

³ Например, большие различия в оценке динамики заработной платы в Веймарской республике возникают из-за того, мыслим ли мы категориями «двухклассовой» модели «капиталисты и наемные работники», как это принято у Борхардта и в Кильской школе, что в этом пункте парадоксальным образом сближает их с марксистской экономической теорией, или же исходим из «трехклассовой» модели, в ко-

Несколько вне рамок основной тематики книги находится статья Гарольда Джеймса из Принстонского университета, посвященная валютной проблематике. Предметом его исследования являются планы, которые уже в 1940 году, то есть во время Второй мировой войны, выдвигались Германией, в частности в лице тогдашнего министра экономики и президента Рейхсбанка Вальтера Функа, а в послевоенное время послужили почвой для разработки и распространения идеи европейского валютного союза. Джеймс показывает, что, с одной стороны, планы союзников по антигитлеровской коалиции, приведшие в 1944 году к возникновению Бреттон-Вудской системы, были реакцией на германскую инициативу и что, с другой стороны, практику валютной кооперации и шаги к валютному объединению Европы, предпринимаемые вплоть до сегодняшнего дня, можно в целом рассматривать как развитие той самой линии, которая была сформулирована в политических планах национал-социалистов. Разумеется, осуществление таких планов под национал-социалистической эгидой было бы отнюдь не добровольным для соседей Германии. Именно этим то, что происходило в послевоенное время, решающим образом отличалось от них.

Тематика статей, вошедших в третью часть книги, озаглавленную «Попытки формирования системы международных экономических отношений», отстоит уже довольно далеко от обсуждения идей Борхардта. Гер ван Рон (Амстердамский свободный университет) в своей работе «Лига наций и мировое хозяйство» представляет многообразие инициатив по объединению народов путем создания совместных экономических комиссий и созыва международных конференций по финансам, таможен, торговле и экономике в целом, предпринимавшихся вплоть до 1933 года в целях содействия мировой экономической кооперации и стабилизации мирового рынка. Как известно, в конечном итоге все они оказались безуспешными. Печальной кульминацией стала Лондонская экономическая конференция, проходившая в середине июня 1933 года при участии уже гитлеровской Германии. Ван Рон возлагает непропорционально большую ответственность за неуспех этой конференции на Ф. Д. Рузвельта, фактически объявляя его главным виновником. Американский президент во время конференции неоднократно «тыкал в спину» министра иностранных дел Корделла Халла, когда тот раз за разом уклонялся от установления золотого паритета доллара, а тем самым и от желательной для других стран стабилизации плавающего обменного курса в качестве компромисса.

Дитмар Пецина (Dietmar Petzina) в своей статье подводит итог дискуссии специалистов из англосаксонских стран о проблеме репараций, в особенности о платежеспособности Германии в период между окончанием Первой мировой войны и осуществлением плана Дауэса в 1924—1925 годах. Как в Англии, так и в США уже тогда в научно-экономической литературе обсуждался вопрос, который в 1929 году получил известность благодаря дискуссии Джона Мейнарда Кейнса с Бертилом Улином о так называемой

торой работники противопоставляются предпринимателям-капиталистам, а последние, в свою очередь, финансовым капиталистам. И именно таков мой подход в дискуссии с Борхардтом. Он соответствует кейнсианской традиции и представляется мне незаменимым при анализе инфляционных и дефляционных процессов ввиду огромного расхождения в доходах между этими двумя группами капиталистов.

проблеме трансферта репараций и с тех пор вошел в учебники по теории международных экономических отношений. Думал ли Пецина о дискуссии по поводу идей Борхардта, когда обобщил итоги спора о репарациях следующим образом: «Формулировка предмета чисто экономической дискуссии вытекала из политического спора, а научные аргументы служили, причем с неизбежностью, легитимации политических позиций»? Не думаю, что это верный способ объяснения научных дискуссий. По моему мнению, вышеприведенные тезисы Хуттера гораздо лучше подходят для объяснения в том числе и спора о репарациях, который тогда шел в научных кругах.

В последней статье третьей части книги Вернер Абельсхаузер рассматривает само понятие «Центральная Европа» в долгосрочной перспективе германской внешнеэкономической политики, начиная с определения этого понятия в 1844 году Фридрихом Листом в связи с политикой торговых договоров, проводившейся империей, затем в период до Первой мировой войны и далее в центрально-европейской политике Веймарской республики вплоть до Третьего рейха («Новый план» и полный перевод торговых отношений на двусторонние договоры). Он приходит к выводу, как и Алан Милуорд [Milward, 1981] в более ранних работах, что Центральная Европа играла для германской экономики весьма периферийную роль и что ее значение могло возрастать только в трудных ситуациях, связанных с Первой мировой войной и мировым экономическим кризисом, которые нарушали ее намного более важные связи с мировым рынком и промышленно развитыми соседями; в остальном же это был не более чем миф.

Четвертая часть книги начинается с немецкой версии статьи Юргена фон Крюденера, опубликованной на английском языке еще в 1990 году и получившей в этом сборнике название «Могла ли дефляционная политика Брюнинга оказаться успешной?». Крюденер приходит к выводу, что в долгосрочной перспективе дефляционная стратегия Брюнинга по преодолению кризиса могла привести к успеху и что, таким образом, проблема состояла не в выборе антикризисной стратегии, но в факторе времени. Брюнинг проиграл эту гонку со временем. То есть операция удалась, пациент мертв! По моему мнению, Крюденеру следовало бы прислушаться к Кейнсу и учесть его опыт критики неоклассических экономических теорий и ортодоксальной политики в период мирового экономического кризиса, в результате которого он сформулировал свой знаменитый афоризм: «В долгосрочной перспективе мы все мертвы».

Статья Джеральда Фельдмана на английском языке из Университета Беркли обращена к фигуре Якоба Гольдшмидта, председателя правления лопнувшего в 1931 году Данатбанка, и затрагивает спектр возможных действий других лиц, отвечавших в тот период за денежную и экономическую политику Германии. Фельдман, с одной стороны, опровергает подозрение, которое Брюнинг высказывал до самой своей кончины, что якобы Дойче Банк, в частности его авторитетный член правления и представитель на переговорах Оскар Вассерман, саботировал коллективные меры, предпринятые крупными банками для спасения Данатбанка, с тем чтобы устранить неудобного конкурента, и поэтому они предположительно несут ответственность не только за усиление

банковского кризиса в июле 1931 года, но и за последующий ход политических событий, ставший катастрофическим для республики и, вследствие этого, для самого Брюнинга. Фельдман рассказывает, как верхушка группы Дойче Банка, в особенности Герман Й. Абс, пыталась в 1950-е годы, в частности через жившего в эмиграции в Швейцарии Георга Зольмсена, побудить Брюнинга изменить свое мнение до публикации в мемуарах. Однако Брюнинг так и не поменял своего мнения о Гольдшмидте и о негативной роли Дойче Банка не в последнюю очередь из-за личных контактов с самим Гольдшмидтом, также оказавшимся в изгнании (правда, в Америке).

Фельдман представляет деловую философию и практику Гольдшмидта в высшей степени удачными. Рассматривая пример банкротства компании «Нордволле», с которого начался банковский кризис в Германии, он показывает, что Гольдшмидт, около семи недель скрывавший эту катастрофу, заключил договоры о сотрудничестве как с Дрезднер Банком, так и с Данатбанком, вместо того чтобы переложить ответственность за обострение банковского кризиса на Рейхсбанк. Он показывает также, что Вассерманн и Дойче Банк были готовы к солидарной акции спасения Данатбанка, но при условии, что Рейхсбанк выдаст гарантию по кредиту, предоставляемому Данатбанку, что должно было обеспечить ликвидность и их банковскому дому. Поскольку Рейхсбанк отказался предоставить такую гарантию, то он и несет основное бремя ответственности за провал этой спасательной операции. И это еще один камушек в мозаике, иллюстрирующей разрушительную роль денежной и валютной политики Рейхсбанка, возглавляемого Гансом Лютером, во время мирового экономического кризиса.

Стивен А. Шакер из Виргинского университета посвятил свою статью жизни Генриха Брюнинга в американской эмиграции. Источниками для этой работы послужили не только хранившийся в Гарвардском университете архив Брюнинга и его секретаря Клэр Никс (Claire Nix), бывшей при нем в течение многих лет, но и записи вашингтонских правительственных чиновников о подробных беседах с Брюнингом в сентябре 1945 года в связи с подготовкой Нюрнбергского процесса. Диагноз поистине ужасен. Получается, что Брюнинг уже во время пребывания на посту рейхсканцлера страдал своего рода манией преследования, в Гарварде жил в полной изоляции, а к концу войны стал весьма болезненным и запуганным человеком. Если судить по материалам опроса, проведенного вашингтонскими чиновниками, то Брюнинг производит впечатление махрового реакционера, который не только не ценит американскую демократию, но и предпочел бы для Германии монархию с ведущей ролью военных. Он резко высказывался против Нюрнбергского процесса, а главным виновником войны считал Сталина, а не Гитлера. Причисляя себя к противникам нацистов, он тем не менее разделял внешнеполитические цели национал-социалистического руководства. Германия вела оборонительную войну, а, к примеру, на Польшу и Францию напала превентивно. Ей действительно нужно было намного больше жизненного пространства. У вашингтонских интервьюеров создалось впечатление, что если бы Брюнинг остался рейхсканцлером и в Германии не было бы расистских и религиозных преследований, мировая

война всё равно бы случилась. Похоже, Брюнинг вплоть до своей кончины неизменно поддерживал опыт Третьего рейха по тем пунктам, на которых он строил свою экономическую, социальную и внешнюю политику в бытность канцлером. Он до самого конца так ничему и не научился. А потому неудивительно, что он был весьма близок с американским коллегой и современником Гербертом Гувером, тоже потерпевшим крах, и, что еще хуже, с появившимся тогда на немецкой политической сцене Эрихом Хонеккером.

Последняя статья, вошедшая в этот том, вышла из-под пера Юргена Кучинского. Он подводит некоторые итоги структурных изменений, произошедших в капитализме в период между двумя войнами, последствия которых, из-за тенденции к застою в 1930-е годы, привели к ярко выраженному ускорению роста производства и производительности лишь после Второй мировой войны.

Сборник завершает список публикаций самого Кнута Борхардта по теме, которой посвящено издание, а также краткие сведения об авторах статей. Издатели заслуживают благодарности за то, что вопреки явному протесту со стороны юбиляра смогли сделать ему этот подарок, ибо столь богатого собрания чрезвычайно интересных исследовательских материалов по истории экономики в период между двумя войнами до сих пор вообще не издавалось. Надеюсь, что и сам Борхардт имеет по этому поводу такое же мнение и что он будет милостив к издателям, которые так подарили ему через «заднюю дверь» этот юбилейный сборник.

Журнал «Экономическая политика» выражает благодарность профессору Карлу-Людвигу Хольтфрериху за возможность публикации данной статьи.

Economic Policy (Moscow, Russia) acknowledges Dr. Carl-Ludwig Holtfrerich for granting permission to publish the article.

Ekonomicheskaya Politika, 2016, vol. 11, no. 3, pp. 209-223

Carl-Ludwig HOLTFRERICH, Professor Emeritus of the Department of Economics of the Free University of Berlin. E-mail: carl-ludwig.holtfrerich@fu-berlin.de.

Lansstrasse 7–9, Room 315, 14195 Berlin.

On the Discussion of the Economic Policy of Germany from Weimar to Hitler

Abstract

The article reviews the central themes of the discussion about economic policy of the Weimar Republic immediately before and during the worldwide economic crisis of the end of 1920s and the beginning of 1930s. The author uses for this purpose a collection of papers published as a *Festschrift* in honor of German economic historian Knut Borchardt. The article discusses such topics as the role of the German economic and in particular monetary policy in genesis and development of the crisis, anti-crisis policy options at the German government's disposal, impact of wages' rigidity and international monetary and economic relations on the economic situation in the period immediately preceding the establishment of the Nazi regime.

Keywords: Weimar Republic, economic history of Germany, Great Depression, monetary policy, fiscal policy, rigidity of wages.

JEL: N14, E31, E50, E62.

References

1. Friedman M., Schwarz A. J. *A Monetary History of the United States 1867–1960*. Princeton: Princeton University Press, 1963. [Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов 1867–1960. Киев: Ваклер, 2007.]
2. Bähr J. *Staatliche Schlichtung in der Weimarer Republik*. Berlin: Colloquium Verlag, 1989.
3. Balderston T. *The Origins and Course of the German Economic Crisis 1923–1932*. Berlin: Haude und Spener Verlag, 1993.
4. Borchardt K. *Wachstum, Krisen, Handlungsspielräume der Wirtschaftspolitik*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1982.
5. Buchheim C., Hutter M., James H. (Hg.). *Zerrissene Zwischenkriegszeit. Wirtschaftshistorische Beiträge. Knut Borchardt zum 65. Geburtstag*. Baden-Baden: Nomos, 1994.
6. Eichengreen B., Sachs J. Exchange Rates and Economic Recovery in the 1930s. *Journal of Economic History*, 1985, vol. 45, no. 4, pp. 925–946.
7. Eichengreen B. *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939*. Oxford: Oxford University Press, 1992.
8. Fremdling R. German National Accounts for the 19th and Early 20th Century. A Critical Assessment. *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 1988, Jahrgang 75, S. 339–355.
9. James H. *Deutschland in der Weltwirtschaftskrise 1924–1936*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1988.
10. Hartwich H.-H. *Arbeitsmarkt, Verbände und Staat 1918–1933. Die öffentliche Bindung unternehmerischer Funktionen in der Weimarer Republik*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co., 1967.
11. Hoffmann W. G., Grumbach F., Hesse H. *Das Wachstum der deutschen Wirtschaft seit der Mitte des 19. Jahrhunderts*. Berlin: Springer, 1965.
12. Holtfrerich C.-L. Alternativen zu Brüning's Wirtschaftspolitik in der Weltwirtschaftskrise? *Historische Zeitschrift*, 1982, H. 235, S. 605–631.
13. Holtfrerich C.-L. Zu hohe Löhne in der Weimarer Republik? Bemerkungen zur Borchardt-These. *Geschichte und Gesellschaft*, 1984, Jahrgang 10, S. 122–141.
14. Holtfrerich C.-L. Economic Policy Options and the End of the Weimar Republic. In: Ker-shaw I. (ed.). *Weimar: Why did German Democracy Fail?* London: Weidenfeld & Nicolson, 1990a, pp. 58–91.
15. Holtfrerich C.-L. Was the Policy of Deflation in Germany Unavoidable? In: von Kru-edener J. (ed.). *Economic Crisis and Political Collapse. The Weimar Republic 1924–1933*. N. Y.: Berg Publishers, 1990b, pp. 63–80.
16. Holtfrerich C.-L. Vernachlässigte Perspektiven der wirtschaftlichen Probleme der Weimarer Republik. In: Winkler H. A. (Hrsg.). *Handlungsspielräume und Alternativen in der deutschen Staatskrise 1930–1933*. München: R. Oldenbourg, 1992, S. 133–150.
17. Holtfrerich C.-L. The Growth of Net Domestic Product in Germany 1850–1913. In: Frem-dling R., O'Brian P. (eds.). *Productivity in the Economies of Europe in the 19th and 20th Centuries*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1983, S. 124–132.
18. Kindleberger C. P. *A Financial History of Western Europe*. London: Allen & Unwin, 1984.
19. Milward A. S. The Reichsmark Bloc and the International Economy. In: Hueschfeld G., Kettenacker L. (Hrsg.). *Der "Fuehrerstaat": Mythos und Realitaet. Studien zur Struktur und Politik des Dritten Reiches*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981, S. 377–413.
20. Ritschl A. Zu hohe Löhne in der Weimarer Republik? Eine Auseinandersetzung mit Holtfrerich's Berechnungen zur Lohnposition der Arbeiterschaft 1925–1932. *Geschichte und Gesellschaft*, 1990, Jahrgang 16, S. 375–402.
21. Temin P. *Lessons from the Great Depression*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1989.
22. Zahn C. *Lohnkosten und Lebenslagen zwischen Inflation und Großer Krise. Zur Geschichte der Weimarer Lohnbewegung*. Dissertation. München, 1993.